

Становятся ли люди лучше?*

ПИНКЕР С. (2021). ЛУЧШЕЕ В НАС: ПОЧЕМУ НАСИЛИЯ В МИРЕ СТАЛО МЕНЬШЕ / ПЕР. С АНГЛ. Г. БОРОДИНОЙ И С. КУЗНЕЦОВОЙ. М.: АЛЬПИНА НОН-ФИКШН. 952 С. ISBN 978-5-00139-171-5

Александр Никифоров

Доктор философских наук, Межрегиональная общественная организация
«Русское общество истории и философии науки»
Адрес: Лялин пер., 1/36, стр. 2, Москва, Российская Федерация 105062
E-mail: nikiforov_first@mail.ru

Стивен Пинкер — канадский нейропсихолог, лингвист, известный популяризатор науки, дважды лауреат Пулитцеровской премии. Первое издание его широко известной книги «The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined» вышло в свет в 2011 году.

Как свидетельствует уже само название, основная задача книги — показать, что в ходе исторического развития человечества уровень насилия и жестокости среди людей по отношению друг к другу постепенно снижался. Автор полагает, что стремление к насилию заложено в природу человека уже самим процессом биологической эволюции. Говоря об отношении людей друг к другу, он опирается на воззрения английского философа Томаса Гоббса (1588–1679), согласно которому в человеческом обществе всегда идет «война всех против всех», ибо человек по натуре своей — агрессивный хищник. Ссылаясь на последние исследования нейробиологов, Пинкер утверждает, что в мозге животных имеется некий «контур ярости», электростимуляция которого вызывает приступ бешеной агрессии. И в человеческом мозге имеется такой же контур, внешняя стимуляция которого побуждает человека к агрессивному поведению. Таким образом, считает автор, уже сама биологическая природа человека делает его агрессивным и способным на насилие по отношению к другим людям.

Рассматривая историю человечества с доисторического периода до наших дней, Пинкер стремится показать, что она была насыщена насилием и зверством. «Если прошлое — другая страна, — пишет он, — то страна эта удивительно жестока. Легко забыть, как опасна была жизнь раньше, как прочно зверства вплетались в ткань повседневного бытия» (с. 27). Так, находки археологами останков древних людей часто свидетельствуют о том, что они умерли насильственной смертью. Далее автор анализирует тексты «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, представляющие жизнь и нравы народов и племен Восточного Средиземноморья в VIII–VII веков до н. э. и приводит слова Агамемнона, обращенные к Менелая, в которых за похищение

* Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

Елены обещает истребить всех троянцев, включая тех, которые находятся еще во чреве матери. Отсюда автор делает вывод о том, что уже на заре человеческой истории истребительные войны между народами были обычным делом.

Рассматривая Библию, автор и в ней выделяет эпизоды насилия и жестокости. Когда Каин убил своего брата Авеля, на Земле жили всего четыре человека: Адам, Ева, Каин и Авель. Следовательно, это убийство означало умерщвление 25% населения Земли. Затем он упоминает о Всемирном потопе, об уничтожении Содома небесным огнем, истреблении всего населения Иерихона и т. п. «Библия изображает мир, — пишет он, — который, если смотреть на него нашими глазами, потрясает своей дикостью. Люди порабащают, насилуют своих ближайших родственников. Военачальники вырезают гражданских без разбора, не делая исключения для детей. Женщин покупают, продают и присваивают, как секс-игрушки» (с. 38). Обращаясь к эпохе Римской империи, Пинкер выделяет ее завоевательные войны, сопровождавшиеся геноцидом покоренных народов («Карфаген должен быть разрушен!»), гладиаторские бои, доставлявшие удовольствие широким массам развращенных граждан, распятия на кресте — наиболее распространенный вид казни в ту эпоху. Раннее христианство также одобряло пытки как справедливое возмездие для грешников. За совершение смертных грехов в аду ждали следующие наказания: грех гордыни — колесование; зависть — помещение в ледяную воду; чревоугодие — принудительное кормление крысами, жабами и змеями; похоть — сжигание на костре и т. п. И эти муки должны были длиться вечно!

Наконец, Средневековье отмечено кострами, на которых сжигали еретиков и ведьм, инквизицией, рыцарскими турнирами, сопровождавшимися гибелью и увечьями сотен рыцарей, казнями королей и королев, бесконечными войнами между мелкими феодалами, от которых жестоко страдали крестьяне и ремесленники. Автор цитирует некую «Средневековую домовую книгу» XV века, содержащую наставления о поведении в обществе: «Не загрязняйте мочой и другими выделениями лестницы, коридоры, чуланы и гобелены. Не облегчайтесь на глазах у дам, у дверей или окон. Не елозьте на стуле, словно пытаетесь выпустить газы. Не суйте руки в штаны, чтобы почесать интимные места. Не приветствуйте человека, пока он мочится или испражняется. Не выпускайте газы шумно» (с. 106). Рассматривая рекомендации подобного рода, автор делает вывод о том, что «люди Средних веков были довольно-таки скотоподобны» (там же).

Пинкеру удалось нарисовать весьма впечатляющую картину прошлого, пронизанного насилием и жестокостью. Но что же побуждает человека к насилию, что стимулирует его «контур ярости»? Прежде всего, говорит Пинкер, это *хищнический инстинкт*. Соперничество между людьми за обладание материальными благами побуждает их к взаимной борьбе, рождает в каждом человеке стремление отнять у другого то, что может пригодиться ему самому. Именно этим хищническим инстинктом объясняет автор многочисленные столкновения между племенами на заре человеческой истории и последующие войны между народами и государствами. Но этот же хищнический инстинкт порождает в людях страх и стремление

обезопасить себя от нападения. *Страх* также стимулирует насилие по отношению к другим — пробуждает желание напасть первым и тем самым предотвратить ожидаемое нападение.

Хищничество и порождаемый им страх являются первой причиной насилия. Второй автор считает стремление к *доминированию* — желание стать выше окружающих. Такое желание свойственно не только отдельным людям, но и группам людей. Оно побуждает вступать в борьбу за честь, за достоинство и репутацию, за власть. Но и национализм, по мнению автора, порождается тем же чувством превосходства своей нации над другими. Третья причина — *месть* — стремление отплатить злом за причиненное зло. В связи с этим автор ссылается на широкое распространение обычая «кровавой мести». В качестве четвертой причины насилия называется *садизм* — удовольствие от причинения страдания. Действительно, встречаются люди, которые, причиняя боль другому, получают какое-то странное наслаждение при виде его мучений. Наконец, пятым и чрезвычайно важным, по мнению автора, мотивом насилия является *идеология*. «Люди и по отдельности не испытывают недостатка в эгоистичных мотивах насилия, — пишет Пинкер. — Но количество жертв возрастает до чудовищных цифр, когда массы людей воплощают в жизнь мотив, который выходит за пределы любого из них: идеологию. Подобно хищническому или инструментальному насилию, идеологическое насилие — это средство достижения цели. Но цель у идеологии идеалистическая: концепция высшего блага» (с. 692). В качестве примеров насилия, порожденного идеологией, Пинкер приводит Крестовые походы, вдохновленные идеей освобождения Гроба Господня от нечестивых; европейские религиозные войны между католиками и протестантами; войны революционной Франции против нескольких коалиций европейских монархий и наполеоновские войны; гражданские войны, происходившие в разное время в разных странах, в частности в России.

Несмотря на то что все эти мотивы, побуждающие человека к насилию, сохраняются, автор стремится показать, что в ходе исторического развития человечества насилие постепенно становилось меньше. Какие же факторы содействовали его снижению?

Первым и важнейшим социальным фактором, существенно понизившим уровень насилия в человеческом обществе, Пинкер — вслед за Гоббсом — считает *возникновение государства* — Левиафана. Государство монополизировало функцию насилия и препятствует тому, чтобы его осуществляли отдельные люди или группы людей. Государство стоит над насильником и жертвой, карает насильника, лишая жертву мотива мести. Государство вообще ограничивает всякое насилие между своими подданными, ибо любое насилие частных лиц приносит тот или иной ущерб государству. Пинкер приводит множество таблиц и графиков, показывающих резкое уменьшение смертей от насилия при переходе человечества от племен земледельцев и охотников-собираателей к государственным образованиям. С укрупнением государств, с усилением репрессивного аппарата и все более тщательной разработкой правовых норм уровень насилия в обществе постепенно

снижается. Конечно, если взять абсолютные цифры погибших от насилия людей, то XX век превзойдет в этом отношении все предшествующие. Однако Пинкер говорит об *относительной величине* смертей: каков процент погибших от насилия по отношению ко всей популяции или же к числу людей, умерших от естественных причин? Когда в племени, состоящем из 100 человек, 50 погибают в результате насилия, то можно сказать, что уровень насилия в этом племени составляет 50%. Если же популяция насчитывает 1000 человек, из которых 300 гибнет от насилия, то здесь его уровень будет всего лишь 30%. В своих таблицах Пинкер показывает, что если в догосударственных обществах уровень насилия колебался от 20 до 40%, то в государствах он снизился до 1–2%, а в современных либерально-демократических государствах составляет тысячные доли процента. «По самым скромным подсчетам, — пишет он, — за весь XX век в боях погибло около 40 млн человек... Если мы сопоставим это количество с цифрой в 6 млрд человек, скончавшихся на протяжении XX века, и не будем принимать во внимание некоторые демографические тонкости, окажется, что только 0,7% населения Земли полегло на поле боя за эти 100 лет» (с. 85).

Вторым важным фактором, также снижающим уровень насилия в человеческом обществе, Пинкер считает *распространение торговых отношений* между людьми и государствами. Действительно, можно ограбить соседа: отнять его землю, имущество, перебить его крестьян. Если оценивать такой акт насилия в целом, учитывая приобретения и потери насильника и жертвы, то можно сказать, что он убыточен: один потерял все, другой приобрел меньше, чем было у соседа. Гораздо выгоднее не грабить соседа, а торговать с ним: это приносит выгоду обоим. «Два пусковых механизма процесса цивилизации, — пишет автор, — тесно связаны. Торговля, как игра с положительной суммой, процветает наилучшим образом под защитой Левиафана» (с. 116). Торговля заставляет понять желания и мотивы другого человека, осознать, чего он хочет, чтобы предложить ему желаемое. И это, полагает Пинкер, содействовало развитию в людях эмпатии — сочувственного понимания другого человека. Эмпатия постепенно улучшает нравы, уменьшает эгоизм, повышает внимание к другим людям. Вот так торговля и государство дают толчок развитию цивилизации.

Цивилизационный процесс многообразен. После открытия Америки в Европу хлынуло золото, что существенно облегчило и расширило торговлю благодаря тому, что деньги стали средством обмена. Появление огнестрельного оружия содействовало усилению и укрупнению государств, покончивших с бесконечными стычками рыцарей. Улучшение бытовых условий постепенно приводит к улучшению нравов. Значительное влияние на ускорение цивилизационного процесса оказало *открытие книгопечатания*. Книга утратила характер дорогой редкости, хранившейся в монастырской или королевской библиотеке, книги появились в домах горожан — простых ремесленников и купцов — это содействовало распространению грамотности. Появляются философские и литературные произведения, выражающие идеи гуманизма и прав человека. «По мере того как Европа

становилась все более городской, космополитичной, торговой, промышленной, индустриальной и светской, жизнь становилась безопаснее и безопаснее» (с. 101). В конечном итоге автор делает вывод о том, что под влиянием перечисленных факторов уровень насилия в мире постепенно снижался. В последнее столетие ко всем этим факторам добавились: *феминизация* — рост уважения к интересам и ценностям женщин; *глобализация и космополитизм* — рост грамотности, мобильность и СМИ, расширяющие круг наших симпатий по отношению к людям, непохожим на нас; *возрастающая рационализация* — применение научных и рациональных подходов к решению проблем. Несмотря на две мировые войны, XX век был самым ненасильственным, по мнению Пинкера, по сравнению с предшествующими столетиями, а после 1945 года на Земле наступил «долгий мир», который длится вот уже 75 лет.

Что можно сказать о книге в целом? Это — не философия истории и вообще не философия. Все-таки философия предполагает рациональное обоснование каких-то мировоззренческих идей. А здесь идей немного, да и все они давно известны, автор предлагает читателю, скорее, некоторый художественный образ одной из сторон человеческого общежития. При взгляде на историю человечества у него сложилось впечатление, что вся она наполнена насилием и жестокостью. Он не обосновывает своего впечатления, а просто подкрепляет его яркими картинами войн, казней, пыток, заимствованными из художественной литературы и живописи. Рациональная критика картины, созданной автором, кажется, не имеет большого смысла. Можно ли критиковать «Войну и мир» Л. Толстого за «дубину народной войны»? Поэтому я укажу лишь на два обстоятельства, вызывающих сомнения в правдоподобности картины, нарисованной Пинкером.

Во-первых, как мы видели, он оперирует относительными цифрами, когда говорит о насилии: 20 убийств в год для популяции в 100 человек дают уровень насилия 20%. Но те же 20 убийств в год для популяции в 1000 человек будут означать снижение уровня насилия до 2%. Историки считают, что в период расцвета Римской империи население Европы насчитывало около 120 млн человек, но уже ко времени ее распада оно сократилось до 50 млн. В 500 году в Европе жило около 27 млн, а в VII веке всего лишь 20 млн. Только в XI веке население Европы начинает устойчиво расти, достигнув в конце XX века более 500 млн человек. Так, может быть, снижение уровня насилия объясняется простым ростом населения? Абсолютное число убийств могло возрастать, но оно отставало от роста населения, поэтому относительный уровень насилия снижался. XX век отметился двумя мировыми войнами, унесшими сотни миллионов жизней, однако население земного шара настолько увеличилось, что это не повысило уровень насилия.

И второе, еще более важное обстоятельство. Пинкер говорит о насилии только в отношении тела человека: убийства, пытки, членовредительства — все это есть причинение вреда телу человека. Но человек обладает не только биологическим телом, у него имеется также сознание, или душа. И насилию может подвергаться не только тело, но и сознание человека. Об этом Пинкер даже не упоминает, а ведь

все мы знаем, какое чудовищное воздействие на сознание людей оказывают средства массовой информации, пропаганда, реклама. Достаточно вспомнить о том, как фашистская пропаганда сумела вбить в сознание большинства немцев мысль о расовом превосходстве арийцев над другими народами. И обычные простые немецкие граждане использовали в качестве прислуги славянских девушек или писали в концлагеря просьбы прислать детские вещи, снятые с убитых детей. Сейчас в результате насилия над сознанием население Европы превращается в потребителей, лишенных национальных, религиозных, культурных традиций. Численность коренных народов Западной Европы неуклонно сокращается вследствие низкой рождаемости, недостаточной для воспроизводства населения. Европу захлестывают волны миграции из бывших европейских колоний. В политическом словаре появился термин «мягкая сила», который означает целенаправленное воздействие на сознание людей. Зачем воевать с каким-то государством за приобретение некоторых благ — нефти, газа, леса и т. п.? Можно так воздействовать на сознание элиты этого государства, что она сама все отдаст. За последние 50 лет можно найти десятки примеров применения такой силы.

Таким образом, сомнительный характер вычисления уровня насилия и игнорирование Пинкером насилия над сознанием людей подрывают доверие к нарисованной им картине и пропагандируемым им идеям. Тем более что не всегда понятно, из каких источников он черпает свои цифры. Так, например, на с. 258 он приводит таблицу смертей, в которой Сталину приписано 20 млн убийств, а Мао Цзэдуну — 40 млн. Откуда он это взял? В тексте мелькает имя А. И. Солженицына, но это весьма сомнительный источник.

Быть может, стоило бы еще указать на то, что книга Пинкера практически лишена оригинальных идей автора. Насколько можно понять, основным источником его вдохновения была работа Н. Элиаса «О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования»¹, у которого он почерпнул и большую часть излагаемых идей, и обширный научный материал. В сущности, сам Пинкер добавил к идеям Элиаса лишь цифровую эквилибристику, якобы служащую для их иллюстрации. Впрочем, научно-популярные работы обычно и не претендуют на оригинальность.

Тем не менее читатель найдет в книге Пинкера много интересного. Автор собрал множество разнообразных материалов, относящихся к истории стран и народов, и представил эти материалы в увлекательной форме. Он обращает внимание на факты, которые лишь мимоходом упоминаются в сочинениях историков, и умеет представить их выпукло и ярко. В своем изложении он соединяет анализ исторических, археологических, литературных источников с данными современной нейропсихологии и лингвистики. Автор пишет прекрасным литературным языком, поэтому чтение книги Стивена Пинкера способно доставить удоволь-

---

1. *Elias N.* (2000). *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Cambridge: Blackwell.

ствие даже такому читателю, который придерживается иного взгляда на прошлое человечества.

Are People Becoming Better?

Alexander L. Nikiforov

Doctor of Philosophical Sciences, Interregional Public Organization "Russian Society of History and Philosophy of Science"

Address: Lyalin per., bld. 2, Moscow, Russian Federation 105062

E-mail: nikiforov_first@mail.ru

Book Review: *Steven Pinker*, *Luchshe v nas: pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The Better Angels of Our Nature: Why Violence has Declined] (Moscow, 2021) (in Russian).